

Василий Кириацкий посылает отцу „через вексель четыре тысячи ефимков золотых двурублевых“.

Вексельные операции были введены при Петре I и поощрялись им. О популярности их в начале XVIII века можно судить по „Отпискам“ Д. М. Голицына: „В нынешнем, государь, 1705 году, апреля в 21 день прислана ко мне ваша государева грамота и приказ военных дел. А в той вашей государевой грамоте писано: посланы ко мне, холопу вашему, вексели через иноземца Болдина Томосова“.¹ „Говорил мне, холопу вашему, генерал Паткуль... что ваша государева казна денежная послана со мною, холопом вашим, и та казна денежная вся в расходе, а посланные вексели на вашу государеву денежную казну, те вексели ко мне не присланы“.²

При сравнении приведенных материалов с первой частью „Истории“ отчетливо выступает характерная черта повести: ее живейшая, непосредственная связь с исторической действительностью начала XVIII века, с типичными чертами быта этого времени. Тема повести — добровольное поступление во флот незнатного дворянина — была выдвинута временем, когда русское государство вышло на берега Балтийского моря и стало великой морской державой. Строящийся русский флот потребовал большого количества технически обученных людей, постоянного состава матросов. Реакционная часть дворянства, стоявшая в оппозиции к деятельности Петра I, особенно противилась выполнению правительственных указов, назначавших смотр молодежи, на которых отбирались юноши для службы во флоте и армии. Со стороны правительства потребовались строгие меры взыскания, чтобы принудить дворян отпускать сыновей на службу. Документы первой четверти XVIII века сохранили свидетельства об этой борьбе. В указах Петра I читаем: „Тогдаж приехали из Москвы в Петербург сенаторы и предложили его величеству, что по указу, данному им в 1711 году, дворян молодых и как кроются от службы, по многим объявительным указам собрать всех не могут. Того дня сентября в 26 день выдан новый указ, дабы все дворяне сами и их дети и сродники, которые от 10 до 30 лет возраст имеют, явились в наступающую зиму на смотр нарочно к тому определенному сенатскому члену: а буде кто сей указ преслушает и до марта месяца 1714 году не явится и кто на такого известит, тому все пожитки укрывающегося и деревни отданы будут, какова б доноситель чина не был, хотя слуга укрывающагося“.³

Несмотря на крутую расправу многие дворяне даже под страхом разорения не являлись на смотры. Уже перед самой смертью, 27 января 1725 года, Петр I „дал повеление сенату отпустить вину всех дворян, не явившихся на смотр“.⁴

В обстановке упорного сопротивления части дворянства отбыванию воинской службы, решение „небольшого“ (незнатного) дворянина Василия Кириацкого по собственному побуждению идти служить во флот характеризует его как передового человека своего времени, с гордостью носящего звание „российского матроса“.

Вторая часть „Истории“, начинающаяся описанием бури на море и кораблекрушения, почти не содержит реалий петровской эпохи и построена по типу сказок о приключениях.

¹ Отписки Д. М. Голицына. Рукопись ГПБ, Ф. IV. 865, лл. 192 об. — 193.

² Там же, л. 193.

³ Указы императора Петра В. Рукопись ГПБ, Ф. IV. 8, л. 181.

⁴ Там же, л. 194 об.